

А.А. Сирина. Рец. на: *Милевский О.А., Панченко А.Б. “Беспокойный Клеменц”. Опыт интеллектуальной биографии.* М.: Политическая энциклопедия, 2017. 695 с.

Еще недавно критики задавались вопросом, много ли в истории российской этнологии биографических исследований, отличающихся “историографическим профессионализмом и фундированностью” (Альмов 2010)? Сегодня со всей определенностью можно сказать, что такие исследования стали появляться (см., напр.: Тишков, Тумаркин 2004; Тумаркин 2011; Керимова 2011). Существенную роль в этом сыграл антропологический поворот, произошедший в гуманитарных науках. В число таких исследований, несомненно, войдет книга историков из Сургута О.А. Милевского и А.Б. Панченко о Дмитрие Александровиче Клеменце (1848–1914), человеке с удивительными зигзагами судьбы – от ссыльного революционера до заведующего этнографическим отделом Русского музея им. Императора Александра III. Клеменц впитал все противоречия и возможности ушедшей эпохи, которую мы до сих пор пытаемся понять, в том числе и через опыт интеллектуальной биографии, как позиционируют свое исследование авторы книги. Однозначного ответа на вопрос, чем отличается интеллектуальная биография от других типов биографий, среди историографов нет (см.: Базанов 2016). Теоретической матрицей своей книги О.А. Милевский и А.Б. Панченко назвали методологию “новой биографической истории”, а именно личной истории, когда человек рассматривается как субъект исторического процесса, а биография становится не самоцелью, а средством исторического познания. Вместе с тем очевидно, что многие методы так наз. “новой биографической истории” были известны и активно применялись и применяются в качественно написанных биографиях. Это касается обязательного использования архивных документов; выявления мотивов решений и поступков героя биографического описания, т.е. психологического подхода; реконструкции контекста эпохи с использованием исторического и сравнительно-исторического методов.

Новая книга о Клеменце отличается своей комплексностью, полнотой и сбалансированностью жизнеописания, служит проводником в мир революционной и интеллектуальной истории России второй половины XIX – начала XX в. Она рассчитана на более широкую, чем научная, читательскую аудиторию, о чем свидетельствует логика построения, оформления, стиля изложения, близкого к литературному. Многие страницы биографии Клеменца, истории России и науки, включая этнографическую, либо значительно дополнены, либо впервые написаны на основе новых источников, извлеченных из шестнадцати российских архивов в Москве, Санкт-Петербурге, Тобольске, Томске, Минусинске, Иркутске, Якутске.

Авторы биографического – почти эпического – повествования (в книге 10 глав, введение и эпилог) прослеживают динамику личности Д.А. Клеменца и его взглядов во времени в широком историко-культурном контексте. Первая глава посвящена его детству и юности; в трех последующих рассматривается народническая револю-

---

Анна Анатольевна Сирина | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru | д.и.н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр.32-а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [грант № 18-09-00537]

ционная практика. Следующие четыре главы включают сибирский период жизни Клеменца, начавшийся в 1881 г. ссылкой в Минусинский край, жизнь свободным человеком в Томске (1886–1889) и Иркутске (1890–1896), где Дмитрий Александрович активно занимался общественно-политической и научно-организационной деятельностью. Отдельные главы посвящены столичному (петербургскому) периоду (1897–1909), который начался с работы в Музее антропологии и этнографии, продолжился на посту заведующего этнографическим отделом Русского Музея им. Императора Александра III. После отставки Клеменц переехал в Москву, где на Ваганьковском кладбище по сей день покоится его прах. В единственном случае сделано отступление от избранного порядка изложения материала: глава 8 “Клеменц и Сибиряковская экспедиция” построена по тематическому (проблемному) принципу. Текст глав предваряет перечень рассматриваемых в них ключевых вопросов, но в самом тексте подзаголовков нет, что существенно затрудняет чтение. В краткой рецензии невозможно прокомментировать все стороны рассматриваемой работы, я затрону лишь некоторые важные, на мой взгляд, вопросы.

О.А. Милевский и А.Б. Панченко детальнейшим образом восстановили биографию Клеменца периода увлечения идеалами народнического социализма, показали контекст революционного движения, охарактеризовали мировоззрение, программы и задачи революционной молодежи, представлявшей различные кружки и направления народничества. И хотя в книге есть отдельные оценочные высказывания критического характера, например, о “системных противоречиях во взглядах Клеменца” (с. 98) этого периода, вместе с тем в ней остро чувствуется недостаток критических интерпретаций (с. 390, 494–495), что приводит авторов практически к полному приятию точки зрения Клеменца и революционной и либеральной литературы конца XIX–XX вв. Такой подход в основном соответствует народническому и либеральному направлениям в историографии народничества (Тюкачев 2013). Контекст эпохи, в которую зарождалось и действовало народническое движение, а также биография Клеменца тех лет восстановлены на основании письменных свидетельств самих революционеров, а подобного рода источники требуют критического осмысления. В книге встречается язык описания, характерный для мемуарной литературы, а также для исследований советского периода: “спячка николаевского царствования” (с. 35), “слуги правительства” (с. 116), “плеяда выдающихся революционеров”, “в бастионе томились землевольцы” (с. 206), “смычка” (с. 245) и др.

Ссылка, по мнению Клеменца (с. 270), с которым согласны и авторы, стала важным поворотным пунктом в его биографии, привнесла осмысленность в жизнь после того, как он обрёл возможность путешествовать, изучать уникальную природу и население Сибири и Центральной Азии, часто на средства купцов и промышленников – представителей того класса, с которым он ранее боролся. Он был подготовлен к научным исследованиям, занимаясь самообразованием параллельно с революционной деятельностью, в т.ч. за границей (с. 53, 66, 138–139 и др.).

Богатая историографическая база, детальный разбор мельчайших фактов биографии, характеристики людей, с которыми судьба сталкивала Клеменца, – книга дает массу важнейшей информации о его взаимоотношениях с меценатом И.М. Сибиряковым, учеными и краеведами А.В. Адриановым, В.Г. Богоразом, Н.М. Мартьяновым, Н.М. Могиланским, Г.Н. Потаниным, В.В. Радловым, Н.М. Ядринцевым. Я назвала лишь некоторых людей, имевших отношение к сибирской истории и этнографии – наиболее близким для меня темам. Авторы прослеживают вовлеченность Клеменца в отношения сибирской и ссыльной интеллигенции, областников и народников, ссыльных и чиновников, ученых и организаторов науки, в создание и развитие периодической печати и научных исследований в Сибири. Читатель мо-

жет узнать и о личной жизни Клеменца. Именной указатель облегчает ориентирование в большом объеме сложного текста и дает представление о близких и дальних кругах общения Клеменца — в нем имеется около 1200 имен.

Как следует из текста книги, Дмитрий Александрович был слишком живым, деятельным человеком, чтобы посвятить всю свою жизнь кабинетной научной работе — она была лишь одним из направлений его жизни, всегда наполненной множеством других событий и занятий (с. 444 и др.), среди которых особое место еще со времен народничества занимала журналистская работа. О.А. Милевский и А.Б. Панченко впервые системно изучили многочисленные газетные публикации Клеменца публицистического и научно-популярного характера и на этом основании восстановили детали его сотрудничества с “Сибирской газетой” и “Восточным обозрением”. Отстаивая свою общественно-политическую или личную позицию в газетных публикациях, Клеменц нередко допускал гиперболы и полемические переხлесты, что стоило прокомментировать.

В книге подробно описаны комплексные географо-геологические, биологические, археолого-этнографические экспедиции, совершенные Клеменцем по Алтаю, Урянхайскому краю (Туве) и Северной Монголии. Авторы пришли к важному выводу о том, что своей экспедиционной деятельностью и ее результатами, представленными на страницах периодической печати, Д.А. Клеменц активизировал российскую политику в отношении Урянхайского края (с. 448). Он имеет непосредственное отношение к становлению этнографической науки: как один из создателей новых музеев в Кяхте, Санкт-Петербурге, участник Орхонской экспедиции МАЭ, организатор Сибиряковской экспедиции, автор ряда статей по этнографии. Авторы книги называют Клеменца “родоначальником научного краеведения” (с. 290) и постоянно адресуются к нему как к крупному ученому. К сожалению, в книге нет списка его научных трудов. А пока “...многие интересные работы Клеменца до сих пор не изданы и ждут своих публикаторов” (с. 402 и др.), он по-прежнему будет оцениваться по опубликованным работам, следовательно, будет недооценен и не вполне понят. Хотелось бы прояснить, в каких музеях хранятся сегодня коллекции Клеменца, собранные в экспедициях, сколько их всего, каков их состав и тематика, насколько они востребованы?

В книге очень много цитат из источников и литературы, при этом часть их оставлена без комментариев. Например, мнение одного из авторов газеты “Восточное обозрение” о “религиозной экзальтации” миллионера и крупнейшего мецената И.М. Сибирякова — явно предвзятой оценки в духе своего времени. Не вполне понятны мотивы благотворителей: они не только “стремились просто оставить о себе добрую память” (с. 406), но жертвовали ради общественной пользы, а некоторые и ради Бога и спасения своей души. Кроме того, не вполне понятны и нуждаются в комментариях скептическое отношение Дмитрия Александровича к намерениям открыть отделения ИРГО в Благовещенске и Чите, высказанное в отрывке одного из его писем (с. 471–472); его позиция по вопросу о русском влиянии на “иностранцев”, которая, судя по тексту, формировалась ситуативно, менялась с годами, отличалась непоследовательностью (с. 424, 429, 604, 626 и др.).

Остановлюсь на истории организации Сибиряковской (Якутской) экспедиции — крупнейшего научного предприятия по этнографическому и антропологическому исследованию Якутской области и Северо-Востока Сибири конца XIX в., которое было профинансировано И.М. Сибиряковым и дало науке таких ученых, как В.И. Йохельсон и В.Г. Богораз. В книге на основе новых источников удалось восстановить контекст экспедиции, непростые взаимоотношения ее сотрудников и решающую роль Клеменца, бывшего в то время правителем дел ВСОРГО, в при-

мирении сторон и успешной организации экспедиции. Сельнопоселенцы участвовали в экспедиции, руководствуясь отнюдь не “благом науки” (с. 544); скорее, они думали о возможности приложить свои силы к любой общественно-полезной деятельности, вырваться из мрака заброшенности и оставленности, поработать на свое личное будущее (Сирина, Роон 2004).

Развивая эту тему, можно проследить линию на преемственность возникшей в советской России ленинградской этнографической школы (Ратнер-Штернберг 1935) с дореволюционными исследованиями народников. Если посмотреть на революционеров в науке в конце XIX — начале XX в. как на явление, то уникальность биографии Клеменца исчезает, а сама она встраивается в эту новую парадигму. Э.К. Пекарский, В.И. Иохельсон, В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, И.И. Майнов и многие другие тоже проделали путь от политики к науке, некоторые — благодаря Клеменцу, одним из первых вступившим на него. Но каждое новое поколение ученых, формируемое из этого революционного источника, привносило свои особенности в отношении целей, методов, регионов исследования. Впоследствии Богораз и Штернберг прививали своим студентам в Ленинградском университете стационарный метод работы (у Клеменца он был маршрутно-экспедиционный), обосновывали необходимость изучения в первую очередь регионов Сибири и Дальнего Востока (Клеменц захватывал пределы зарубежной Центральной Азии), а также убеждали в необходимости знания языков; что касается их целей исследования, то они никогда не ограничивались научными (отсюда в целом активное участие ученых в советском национальном строительстве). Данная работа представляет собой весьма ценный источник для рефлексии по поводу формирования сходств и отличий ленинградской и московской этнографических школ.

В книге встречаются смысловые опечатки: жена иркутского купца Елизавета Медведникова названа Медянниковой (с. 404); ламуты — ламаутами (с. 551), воспроизводятся устаревшие варианты написания топонимов и имен (с. 458, 550 и др.).

В личности Клеменца была и остается какая-то загадка, которая связана, на мой взгляд, с особенностями его характера и психологии. О.А. Милевский и А.Б. Панченко взяли на себя исключительно трудную задачу в формате одной биографической истории показать эволюцию общественно-политических взглядов Клеменца, его научно-организационную, экспедиционную, публицистическую деятельность, наконец, личную жизнь и особенности характера, и все это в развитии, динамике, в широком историко-культурном и общественно-политическом контекстах. На мой взгляд, с этой задачей в целом они отлично справились.

Научная литература

- Альмов С.С. Рец. на: Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009 // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 201–204.
- Базанов М.А. Интеллектуальная биография. Контурсы нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 221–234.
- Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. М.: Восточная литература, 2011.
- Ратнер-Штернберг С.А. Л.Я. Штернберг и ленинградская этнографическая школа, 1904–1927 (по личным воспоминаниям и архивным данным) // Советская этнография. 1935. № 2. С. 134–154.
- Сирина А.А., Роон Т.П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи / Под ред. В.А. Тишкова, Д.Д. Тумаркина. М.: Наука, 2004. С. 49–94.

Тишков В.А., Тумаркин Д.Д. (ред.) Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.: Наука, 2004.

Тумаркин Д.Д. Белый папуас. М.: Восточная литература, 2011.

Тюкачев Н.А. Отечественная историография революционного народнического движения 1860–1880-х годов: становление и эволюция // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2013.

Book Review

Sirina, A.A. Review of “*Bespokoinyi Klementz*”. *Opyt intellektual’noi biografii* [“The Anxious Klementz”: An Attempt at an Intellectual Biography], by O.A. Milevsky and A.B. Panchenko. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 5, pp. 205–209 <https://doi.org/10.31857/S086954150001486-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anna A. Sirina | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [18-09-00537]